

УДК 821.133.1

ТЕМА ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОСКАРА ВЕНЦЕСЛАВА ДЕ ЛЮБИЧА МИЛОША

Е.Д. СЕМЧЕНКО*(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается тема путешествия, которая является постоянной в творчестве французского поэта-мистика Оскара Венцеслава де Любича Милоша. В данном исследовании предлагается чтение и интерпретация стихотворений Милоша с попыткой ответа на несколько вопросов: Как можно было бы определить фигуру путешественника, каковыми могли бы быть точка отправления, прибытия и цель поездки, предпринятые лирическим героем? Каковы пространства, которые он пересекает, что наполняет их, как долго длится это путешествие, кто или что ожидает путешественника в конце пути? Интересно понять феномен поэтического путешествия как имитацию реального перемещения во времени и пространстве. Кроме того, в данной работе осуществлена попытка отыскать аналоги этих фиктивных путешествий в реальной жизни поэта, который был неутомимым путешественником.

Введение. Архетип путешествия кажется таким же древним, как и сама литература. Речь идет о путешествиях-инициациях, путешествиях экзотических, ностальгических, романтических или сентиментальных, о путешествиях в качестве испытания, поиска, открытия, чувства потерянности, отказа от родины и воссоединения с родными, знакомыми местами. Главные действующие лица пересекают пространства и противостоят многообразию мира, задавая себе вопросы о человеческом существовании. Следует отметить, что все истории, сюжеты могут относиться к двойному состоянию: куда-то кто-то отправляется или кто-то откуда-то возвращается. Жан-Марк Мура подчеркивает, что такие выдающиеся произведения, как «Одиссея» и «Илиада», построены на основе темы путешествия [1, р. 64]. Также можно упомянуть в качестве примера мифы и народные сказки, чьи герои отправляются в дорогу на поиск ценностей, как и во многих литовских сказках, переданных на французском языке Оскаром Милошем: совсем молодые брат и сестра отправляются на поиски своих родителей или отправляются на вершину холма, чтобы вернуться с нее с волшебными вещами. «Три золотых волоска и три маленькие звезды» (*Trois cheveux d'or et trois petites étoiles*) [2, р. 82], «Цикута» (*Sigute*) [2, р. 26], «Жаба» (*Le crapaud*) [2, р. 13]. В произведениях Милоша путешествие является постоянной темой с его мотивами и вариантами. Эта тема часто определяется в названиях стихотворений, таких как «Назад» (*Retour*), «Путешествие» (*Voyage*), «Прощальная песня к морю» (*Un chant d'adieu devant la mer*), «Прощание вечером» (*Adieu dans le soir*) или «Дорожная карета, остановленная ночью» (*La berline arrêtée dans la nuit*). Соответствующая поэтическая лексика является обычным явлением, многие стихотворения просто организованы вокруг темы путешествия. В исследованиях произведений Милоша тема путешествия известна, она была проанализирована с разных точек зрения [3, р. 128; 4, р. 83].

В представляемой нами работе предлагается чтение и интерпретация стихотворений Милоша с попыткой найти ответ на несколько вопросов: как можно было бы определить фигуру путешественника, каковы точка отправления, прибытия и цель поездки, предпринятые лирическим героем? Каковы пространства, которые он пересекает, что наполняет их, как долго длится это путешествие, кто или что ожидает путешественника в конце пути? По мнению Ж.-М. Мура, само путешествие может обозначать область, сферу знаний, опыта, реальную или воображаемую, уже населенную другими, в которую главный герой может проникнуть [1, р. 82]. Интересно понять феномен поэтического путешествия как имитацию реального перемещения во времени и пространстве; кроме того, отыскать аналоги этих фиктивных путешествий в реальной жизни поэта, который сам был неутомимым путешественником.

Основная часть. Фигура путешественника в большинстве стихотворений, это одинокая фигура. Он ведет рассказ от первого лица, что способствует созданию интимной и подлинной атмосферы. Он представляется как «потерянный Одиссей в вечном море» (*“Odysseus égaré sur la mer éternelle”*), «пилигрим» (*“pèlerin”*), «перелетная птица» (*“oiseau migrateur”*), «бледная перелетная птица» (*“pâle oiseau de passage”*), «рыцарь и бард» (*“chevalier et barde”*), «потерянный прохожий» (*“passant perdu”*) [5, р. 25]. Путешественник в «Дорожной карете, остановленной ночью» это тот, кто «потерял память» (*“a perdu la mémoire”*) [5, р. 41]. Одинокое путешествие с оттенком ностальгии, грусти «белой скуки дорог» (*“d'un ennui blanc des chemins”*) [5, р. 18], насыщенное мечтами и воспоминаниями о прошлом, «желаниями и проблемами прошлых лет» (*“des désirs et des soucis d'antan”*) [5, р. 42]. Лирический персонаж осознает длительность периода своего путешествия. Фраза, повторяющаяся несколько раз «колеса и дороги враща-

лись тридцать лет» (*“les roues et les rouets ont tourné trente ans”*) [5, p. 42] напоминает медленный и отрывистый ритм дилижанса, автомобиля, дорожной кареты, этих далеко не современных транспортных средств, которые помогают путешественнику передвигаться. Короткий путь, «тихое поскрипывание» (*“le grincement doux”*) укачивает путешественника, который восклицает: «ах! пусть бы оно никогда не заканчивалось, это великолепное путешествие!» (*“ah! puisse-t-il ne point finir, le cher voyage!”*) [5, p. 43]. Для лирического персонажа путешествие, в частности, является самоцелью, направлением без пункта назначения. Путешественник фиксирует главным образом начало, отправление, «поцелуй при отъезде» (*“des baisers de départ”*), но это «вечный жест» (*“geste éternel”*) [5, p. 51], который может повторяться бесконечно. После энергичного приглашения «отправимся со рвением в прошлое» (*“partons, vers le Jadis, en diligence”*) [5, p. 23], после того, как путешественник радостно констатировал, что «жизнерадостный ямщик с ускорением огибает холмы / Удаляясь в противоположном направлении» (*“le postillon jovial active les collines / En fuite à contresens”*) [5, p. 24], он, наконец, осознает, что «добрые старые времена [...] не вернутся ...» (*“pauvre bon vieux temps [...] ne reviendra pas...”*) [5, p. 24]. Лирический персонаж не всегда путешествует в одиночку. Иногда его сопровождает Фанни, его «ностальгическая дама с глазами цвета небес» *“nostalgique aux yeux couleur des cieux”* [5, p. 34], или «Мадам», «настолько маленькая и слабая, завернутая два раза в [мое] пальто» (*“si petite et si faible, deux fois enveloppée dans [mon] manteau”*), его «робкий ребенок» (*“enfant peureux”*), его «боязливый ребенок» (*“enfant craintive”*), которого путешественник приводит в замок своих предков, «молчаливый и подозрительный и черный дом» (*“maison muette et méfiante et noire”*) [6, p. 26]. Однако исход этой поездки является проблематичным. Лирический персонаж ожидает перед закрытой дверью, «высокой и черной» (*“haute et noire”*), но тень слуги Витольда, который должен принести ключи – «Он очень старый, / В его голове беспорядок / Бьюсь об заклад, он пошел пить» (*“Il est fort âgé, / Sa tête est dérangée. / Je gage qu’il est allé boire”*) – вряд ли обнадеживает. Поэтический рассказ резко обрывается, ожидание и сомнение сохраняются, и это оставляет впечатление разочарования. Стихотворение «Песня» (*Chanson*) [6, p. 44] тоже говорит о неудаче, неудавшемся возвращении. В начале оптимизм: «Я здесь, я здесь, дорогое бывшее!» (*“Me voici, me voici, chère d’autrefois!”*), сменяется горьким осознанием того, что не существует больше способов, чтобы «отпраздновать возвращение» *“pour fêter le retour”*. «Платье [самой любимой] серое» (*«robe [de la “très-aimée”] est grise»*), «зеркало белое, (...) / [Его] лицо здесь старое» *“le miroir est blanc, (...) / [Son] visage y est vieux”*. Возникает риторический вопрос: «Что бы я делал здесь позже, Фанни?» (*“Que ferais-je ici, Fannie, plus longtemps?”*), который является также и ответом: возвращение к прошлому невозможно. Пройденное расстояние и цель путешествия, движение в пространстве, которое влечет изменения обстановки является увлекательным занятием. Если путешественник не спит, если он не погружен в мечты и воспоминания, его чувства пробуждаются, и он заставляет видеть, слышать, осязать, чувствовать пересекаемый пейзаж. Возвращение отмечено пространственными признаками. Путешественник замечает «озеро, это удаленное озеро, маленькое, как цветок!» (*“Iac, ce lointain lac, petit comme une fleur!”*), он проходит перед «лесом [который] вас благословляет забавными ветвями» (*“forêt [qui] vous bénit des branches amusées”*), он слышит «сонную песню старой дороги» (*“chanson, somnambule du vieux chemin”*), он чувствует «снег [что] падает тяжелыми хлопьями забвения» (*“la neige [qui] tombe en lourds flocons d’oubli”*) [6, p. 38]. Глаза его попутчицы превращаются в зеркало, в котором лирический персонаж видит «сады, реки, горы, / Целый пейзаж, который стирается и удаляется, / Все королевство, которое погружается в темно-синюю тишину» (*“des jardins, des rivières, des montagnes, / Tout un paysage qui s’efface et s’éloigne, / Tout un royaume qui sombre dans le silence bleu”*) [6, p. 38].

Произведения Милоша объединяют ряд зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных ощущений, которые смешивают настоящее и прошлое, прожитое и действительное. Куда отправляется путешественник Милоша? В большинстве стихотворений географическое расположение является неопределенным. Оно называется «странная страна» (*“étrange pays”*), «страна детства и счастья» (*“pays d’enfance et du bonheur”*), «земля отдаленных радостей» (*“la contrée de joies lointaines”*), «чистые пейзажи» (*“paysages purs”*), «земля старых книг и старинной музыки» (*“pays des vieux livres et des vieilles musiques”*), «родной Север» (*“le Septentrion natal”*) [6, p. 19]. Кучер берет направление «к старой стране грабителей и музеев» (*“vers le vieux pays des brigands et des musées”*) [6, p. 26]. Топоним «Литва» называется всего лишь несколько редких раз, особенно в стихотворении «Дорожная карета, остановленная в ночи» [6, p. 26]. Путешественник возвращается в фамильный замок, который находится «в самой глубине, в самой глубине литовской страны» (*“tout au fond, tout au fond du pays lithuanien”*). Географические указания здесь расплывчаты: это «дикая страна» (*“patrie sauvage”*). И напротив, описание старого замка и его окрестностей конкретное, живописное и красочное: кладбище на холме, пустынный парк, оранжерея, театр, детская комната. Замок, этот страж прошлого, принимает экзотический вид: «Черный дом, черный. / Ржавые замки, / Мертвая ветвь, / Закрытые двери, / Закрытые ставни, / Листья на листьях на протяжении ста лет в аллеях» (*“Maison noire, noire. / Serrures rouillées, / Sarment mort, / Portes verrouillées, / Volets clos, / Feuilles*

sur feuilles depuis cent ans dans les allées”). Но факт остается фактом, что во многих стихотворениях пункт назначения путешествия, это другое место, настолько желаемое и искомое, несет в себе идею другого света, а именно света «лазурного, с полосами больших стай белых птиц» (“de l’azur rayé de grands vols d’oiseaux blancs”), где «в молодом солнце зазвонят пчелы» (“dans le soleil jeune sonneront des abeilles”) [6, p. 41]. Именно этот свет дает надежду путешественнику на то, что он пересечет пространство, продолжит свой путь и отсрочит завершение своего путешествия настолько, насколько это возможно. В конце концов, само путешествие становится самоцелью.

Что касается Милоша, то повторяющееся воспоминание о «родном Севере» (“Septentrion natal”), фамильном замке как о месте прибытия, находит свою связь в реальности, хотя и измененное поэтическим воображением. Свидетельства его друзей дают нам возможность сравнить детали, которые они содержат, с образами стихотворений. Рене де Прат вспоминает о Милоше, говоря, что «он говорил об озерах, полях льна и о глубоком запахе его родной земли; об обширных лесах, куда зимой прилетали огромные стаи ворон; о взрыве северной весны в его имении Черя... [...] Старый Атраким, слуга его отца, отводил его к прудам, где ранний лед благоприятствовал радости катания на коньках» (“qu’il parlait des lacs, des linières, et de l’odeur profonde de sa terre natale; des vastes forêts où passaient, en hiver, d’immenses vols de corbeaux; de l’explosion du printemps nordique dans son domaine de Czéréia... [...] Le vieil Atrakim, un serviteur de son père, le conduisait aux étangs où les glaces précoces favorisaient les joies du patinage”) [7, p. 24]. Существует поразительное сходство между этими соотнесенными деталями и лексикой стихотворений Милоша, и «старый Атраким» напоминает фигуру Витоля, хранителя ключей (персонаж стихотворения О.В. Милоша «Дорожная карета, остановленная ночью»). Есть еще один очень любопытный рассказ, в частности рассказ Греты Прозор, которая рассказывает о своей поездке в Литву в августе 1922 года в компании своего отца графа Мориса Прозора и Милоша. Они прибыли в Каунас из Берлина, и проведя несколько дней во временной столице Литвы, наконец, решили ее оставить. На первый взгляд, речь, казалось бы, идет об обычной поездке, одном из официальных визитов, которые Милош должен был часто осуществлять в качестве представителя Литвы в Лиге Наций и во Франции. Пункты отправления и прибытия указаны точно: это Берлин и Каунас, две столицы. В отличие от предыдущих поездок, на этот раз Милош был в сопровождении своего друга Прозора и его дочери. Это уже не эфемерные фигуры спутников и не спутники лирических стихотворений, а вполне реальные люди, и их рассказ о путешествии заслуживает доверия. Тем не менее следующая часть этой истории представляет наибольший интерес. Три путешественника договорились оставить Каунас и «продолжить то, что, без сомнения, являлось секретной и пламенно желаемой целью нашей поездки. То есть было решено отправиться на поиски имений Лабурново, колыбели семьи Любича Милоша» (“de poursuivre ce qui était sans doute le but secret et ardemment désiré de notre voyage. C’est-à-dire qu’il fut décidé d’aller à la recherche des domaines de Labournovo, berceau de la famille des Lubicz Milosz”) [8, p. 35]. Отыскать семейную колыбель или отправиться в паломничество, для Милоша это должно было означать возвращение к тому же самому. Грета Прозор сказала, что они арендовали автомобиль, «водитель которого был полон доброжелательности» (“le chauffeur était plein de bonne volonté”) [8, p. 36]. В воспоминаниях рассказчицы, дороги, по которым они ехали, «казалось, никогда не закончатся. Иногда дороги огибали большую реку, затянувшийся зеленой тиной Неман, окруженный полями золотых колосьев» (“semblaient à ne jamais finir. Parfois, les chemins longeaient un large fleuve, le Niémen à l’eau verte, bordé de champs d’épis dorés”) [8, p. 36]. Она констатирует большое волнение участников путешествия; «Милош рассказывал странные истории о своей семье, своем отце, эксцентричной фигуре, граничащей с психическим расстройством» “racontait des histoires étranges sur sa famille, sur son père, figure excentrique frôlant le déséquilibre” [8, p. 37]. Рассказчица вспоминает, что путешествие к семейной колыбели, которое мы можем интерпретировать метафорически как возвращение к исходной точке, которое имело место в неопределенном прошлом, продолжалось, вокруг путешественников виднелись только пустынные поля. Это путешествие делится на три временных отрезка: после отправления и первого этапа путешествия, направленных на получение эмоций и воспоминаний о детстве, следует встреча, интерпретируемая Милошем как доброе предзнаменование для потерявшихся путников: «и вдруг на повороте дороги появилась высокая фигура человека, вероятно крестьянина, но совершенно одинокая, которая, казалось, возникла вдруг из-под земли. (...) Он стоял перед нами, неподвижный и ожидающий слова или жеста с нашей стороны. Милош, я все еще вижу его, приподнялся с сиденья, где он сидел рядом с водителем, обращая к нам поднятый вверх палец. “Архангел”, пробормотал он, думая о трудностях, с которыми мы столкнемся» («Tout à coup, à un détour de la route, surgit la haute figure d’un homme, sans doute un paysan, mais absolument seul et qui semblait sorti de terre brusquement. (...) Il se tenait debout devant nous, immobile et attendant une parole ou un geste de notre part. Milosz, je le vois encore, se dressa sur le siège, où il était assis près du chauffeur, tournant vers nous un doigt levé. “Un archange” murmura-t-il, en pensant aux difficultés que nous rencontrions») [8, p. 37]. Жест и слово («архангел») Милоша придают символическую

значимость очень простой и вполне правдоподобной сцене. Фигура крестьянина, увиденная случайно на обочине, похожа на фигуру Витольда, который должен принести ключи в стихотворении Милоша, эта фигура напоминает также издавна старого Атракима, слугу и спутника детских игр в родном поместье поэта. Следуя указаниям крестьянина, небольшая группа встала на путь к дому приходского священника. Третий временной отрезок рассказа – это визит местного священника в надежде получить наконец-то некоторую информацию о цели поездки. Грета Прозор сообщила последнюю деталь их неудачной поездки: «В то время как небольшой священник спускался в подвал, чтобы выбрать бутылку, Милош сказал нам, что видел себя в роли Дон Кихота в поисках своих химер. Вдруг, в тот самый момент, когда наш друг делал это сравнение, небольшой священник поставил на стол запыленную бутылку, на этикетке которой, по странному стечению обстоятельств, было написано: «Вино из Ла-Манчи». Из Ла-Манчи! воскликнул Милош с поднятыми руками. Из Ла-Манчи, торжественно и в то же время чрезвычайно возбужденно повторял он. (*«Pendant que le petit prêtre descendait à la cave choisir une bouteille, Milosz nous dit qu'il se voyait comme Don Quichotte à la recherche de ses chimères. Tout à coup, au moment où notre ami faisait cette comparaison, le petit curé posa sur la table une bouteille poussiéreuse dont l'étiquette, par une étrange coïncidence, annonçait: "Vino de la Mancia". De la Mancia! s'écria Milosz les bras levés. De la Manche, répétait-il exultant, mais malgré tout singulièrement impressionné»*) [8, p. 37]. «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса был книгой детства Милоша, это название появляется в его стихотворениях и других произведениях. Также Дон Кихот – это символическая фигура рыцаря, пилигрима, странника, а описанная ситуация, насыщенная гротеском, подтверждает сравнение, которое Милош проводит с самим собой и знаменитым персонажем литературного вымысла. В рассказанном анекдоте имя Дон Кихота послужило одновременно и оценочным понятием сумасшедшей мечты, невозможного путешествия, волшебной природы страны детства или страны предков, в случае с Милошем. «Это был конец и венец этого замечательного приключения, которое сегодня мне кажется фантасмагорией. Мне кажется, что я помню, что мы опустошили наши стаканы в тишине ...» (*“Ce fut la fin et le couronnement de cette merveilleuse aventure qui m'apparaît aujourd'hui comme une fantasmagorie. Je crois bien me souvenir que nous vidâmes nos verres en silence...”*) [8, p. 38].

Рассказчица описывает путешествие как «удивительное приключение» (*“merveilleuse aventure”*) и «фантасмагорию» (*“fantasmagorie”*), которое предполагает логику рассказа, но рассказа, транспонированного в реальность. Эпизод заканчивается порывом неудержимой радости («ликованием» *“exultation”* Милоша), за которым следует тишина (момент испития вина), оказываясь освободительными признаками. Кажется, что путешествие, рассказанное Гретой Прозор, остается единственной попыткой Милоша отыскать свою «колыбель», несмотря на то, что после 1922 года он несколько раз оправлялся в Литву. В чем заключается настоящий провал этой попытки? Конечно, существовали вполне реальные препятствия: отсутствие точных данных, неточные дороги, никого, у кого можно было бы осведомиться. Тем не менее в этом контексте стоит вспомнить Милана Кундера, который рассказывает о своем впечатлении от «Симфонии ноября»: он навсегда остался очарованным стихотворением Милоша, и причиной является «открытие архетипа формы ностальгии, которая выражается грамматически не через прошлое, а через будущее» (*“la découverte de l'archétype d'une forme de la nostalgie qui s'exprime, grammaticalement, non pas par le passé, mais par le futur”*) [9, p. 66]. Чешско-французский писатель подчеркнул «грамматическое будущее ностальгии» (*“le futur grammatical de la nostalgie”*), что, по его мнению, «проецирует прошлое со слезами на глазах в далекое будущее; которое преобразует меланхоличное воскрешение в памяти того, что более не является душераздирающей печалью неосуществимого обещания» (*“projette un passé éploré dans un lointain avenir; qui transforme l'évocation mélancolique de ce qui n'est plus en la tristesse déchirante d'une promesse irréalisable”*) [9, p. 67]. Очевидно, что для Милоша большим препятствием был его внутренний мир, его психологические особенности, когда поиск желаемого объекта постоянно остается в будущем, «проецируется ... в далекое будущее» *“projetée... dans un lointain avenir”*, если повторить выражение Кундеры. На самом деле литовский поэт особенно любил поговорить об этом, обсудить детали и эпизоды, заставить пережить в воображении прошлое его семьи и его предков.

Заключение. В истории литературы известны несколько видов путешественников: есть рыцарь, паломник, странник. Эти типы или эти фигуры всегда подразумевают поиски священных или светских вещей, ожидание, борьбу с препятствиями. Путешественник Милоша обладает всеми этими характеристиками. Он ведет себя как вежливый рыцарь. То, чего он желает, для чего он отправляется в путь, конечно, мирское, это сокровище прошлого или детства, которое скрывает родина. С другой стороны, в воображении путешественника предмет поиска предстает в необычном свете, и он приобретает сакральный смысл. Возвращение к прошлому превращается в своего рода паломничество. Другие поэтические путешествия оказываются странствованием без цели, без конца. Для Милоша, вымышленные и реальные пути противопоставляются и дополняют друг друга. В рассказе о фактической поездке, совершенной в конкретном времени и физическом пространстве, Милош действует как персонаж, похожий на фигуру пу-

тешественника своих стихотворений, а воспоминание о Дон Кихоте, чисто литературном творении, стирает границу между фантастикой, мечтой, фантазией и реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moura, J.-M. L'Europe littéraire et l'ailleurs / J.-M. Moura. – Paris: Presses Universitaires de France, 1998. – 250 p.
2. de L. Milosz, O.V. Contes lithuaniens de ma Mère l'Oye / O.V. de L. Milosz. – Paris: Éditions André Silvaire, 1963. – 239 p.
3. De Lussy, Fl. Milosz, un «noble voyageur» / Fl. de Lussy // Bulletin de la Bibliothèque Nationale. – 1978. – № 3. – P. 126–135.
4. Milosz: Racines et exil: Colloque international à la Sorbonne, 14 et 15 octobre 1989, présidé par Czeslaw Milosz. – Paris: Éditions André Silvaire, 1990. – 155 p.
5. De L. Milosz, O.V. Poésies I / O.V. de L. Milosz. – Paris: Éditions André Silvaire, 1960. – 233 p.
6. De L. Milosz, O.V. Poésies II / O.V. de L. Milosz. – Paris: Éditions André Silvaire, 1960. – 221 p.
7. de Prat, René Anecdotes. Souvenirs / René de Prat // Cahiers consacrés à Oscar Wenceslas de Lubicz Milosz, poète. – 2–3. – Paris : Éditions Œuvres de Milosz, 1940. – P. 24–28.
8. Prozor, G. Voyage de Milosz en Lituanie / G. Prozor // Cahiers consacrés à Oscar Wenceslas de Lubicz Milosz, poète. – 2–3. – Paris: Éditions Œuvres de Milosz, 1940. – P. 35–39.
9. Kundera, M. L'«intouchable solitude d'un étranger (Oscar Milosz)» / M. Kundera // Cahiers de l'Association «Les Amis de Milosz», 49. – Paris: le Harmattan, 2010. – P. 65–69.

Поступила 09.10.2014

TOPIC OF TRAVELING IN WRITING WORKS OF OSCAR WENCESLAS DE LUBICZ MILOSZ

A. SEMCHANKA

This article is about the topic of traveling that is a constant theme with its motives and choices in the writings of French mystic poet Oscar Wenceslas de Lubicz Milosz. This article offers a reading and interpretation of poems of Milosz with attempts to answer some questions such as: How could we determine the figure of traveler, what could be the point of departure, arrival and purpose of traveling undertaken by the lyrical hero? What are the spaces that he crosses, what does fill them, how long does the traveling last, who or what awaits the traveler at the end of the traveling? It is interesting to understand the phenomenon of poetic traveling as an imitation of a real displacement in time and space. Besides, in this article we will try to find out the analogues of these fictitious journeys in real life of the poet who was in his turn an indefatigable traveler.